

Г. А. Никитин¹

Жертвоприношения в Карелии

Рукописные материалы, озаглавленные Г. А. Никитиным «Жертвоприношения в Карелии», были переданы в Российский Этнографический музей А. Г. Никитиным в 2000 г. в составе личного архива отца. Они представляют собой авторские черновики нескольких вариантов текста неопубликованной статьи и, по-видимому, доклада, прочитанного в лектории Музея истории религии в середине 1930-х гг.; полевые записи и письма его корреспондентов, а также выписки (цитаты) из литературы. Всего — более 100 листов.

Научная значимость публикации очевидна и заключается прежде всего в оригинальном полевом материале, собранном Г. А. Никитиным от респондентов, на памяти которых проходили описываемые жертвоприношения. Сведения, собранные им в начале 1930-х гг. на территории южной Карелии у русского и карельского населения, могут быть хронологически, географически и содержательно сопоставлены как с более ранними свидетельствами финских ученых, зафиксировавших эти архаичные обряды у северных карел в конце XIX в., так и с более поздними — 1970–1990 гг.² Уникальность же записей Г. А. Никитина состоит в том, что они не имеют аналогов: этническая карта Заонежья и прилегающих территорий претерпела с конца 1930 гг. столь кардинальные изменения, что вместе с проживавшими здесь народами ушла в прошлое и историческая память об их прежней культурной традиции; в послевоенные десятилетия исследователи не обнаружили в этом регионе сведений, подобных зафиксированным Г. А. Никитиным. Кроме того, не устарели по сей день и выводы автора о происхождении обрядов *бараньего воскресенья*, несмотря на следование им пресловутой стадильной теории.

Публикуемые фрагменты соответствуют общей авторской схеме неопубликованной работы, исключены лишь повторы, сделаны некоторые уточнения и исправления в фамилиях цитируемых авторов и ссылках. Текст статьи дополнен полевой информацией автора.

<...> Мы остановимся на ряде моментов, связанных, в частности, с жертвенными обрядами далекого прошлого Карелии, известными под названиями: *быкобой*, *баранье воскресенье*, относящихся к циклу скотских жертвоприношений, не раз упоминаемых в литературе, широко распространенных в пределах Карелии и др. местах Советского Союза <...>

Археологические находки, расшифровка петроглифов позволяют в известной мере реконструировать охоту и рыболовство — основу доклассового общества на Северо-Западе нашей страны (Брюсов А. Я. Охота и рыболовство на Северо-Западе СССР во втором тысячелетии дохристианской эры: Рукопись). Уровень развития производительных сил первобытной коммуны обуславливал коллективную охоту облавами, такой же характер имело и рыболовство. <...>

Этой стадии общественного развития с отживавшими патриархально-семейными отношениями соответствуют уже развитые анимистические представления. Как раз к этому времени и появляются основания говорить о возникновении скотских жертвенных обрядов вместо опред[еленных] магических приемов, применявшихся в первичном коллективе бродячих охотников.³

<...> Иллюстрацией, правда, сравнительно поздних жертвоприношений духам-хозяевам леса — лешему и воды — водяному могут служить данные, которые приводит проф. J. Ailio в своей работе «Zwei Tierskulpturen», записанные Wäinö Salminen в приходе Suojarvi (Архив Финляндского Литературного об-ва): «На острове посредине торфяного болота находилось место для приношения в жертву дичи. Туда приходили по срубленным деревьям, чтобы варить похлебку лесным духам. Среди болота находилась хижина с дверным отверстием (без дверей) и без пола. В одном углу находилась груда камней — очаг. На концах свай были поставлены деревянные сосуды. Похлебка варилась на камнях, в большом общественном котле из березовой коры. Для еды ее черпали ложками, сделанными из коры в деревянные сосуды.* После того, как съедали жертвенную трапезу, клали в один сосуд мясо, а в другой сосуд — мясной отвар (при этом, вероятно, полагалась ложка) и леший призывался покушать трапезу и дать добычу» (С. 272).

Сходные черты с приведенным описанием имеет жертвоприношение рыбаков по записям того же W. Salminen в Suojarvi: «На воде была сооружена хижина из балоков, которые в качестве свай были вбиты в дно озера. На концах балоков были помещены блюда, сделанные из капа. Каждый род имел свою собственную сваю и свой собственный сосуд. Общественный суп варили из рыб и поедали и затем просили успеха при рыбной ловле. После этого блюда снова наполняли пищей для водяных духов. На следующий год все собирались в том же месте» (С. 272).

В дополнение приведем известие из Сев. Карелии, в котором говорится, что ложка, употребляемая при охотничьем жертвоприношении, непременно делалась из ольхи (Erle), причем вырезалась обязательно снизу вверх, и жертвенный сосуд должен был быть трехгранным (M. Waronen. Metsästys-taikoja, 53).

В приведенных нами цитатах очень хорошо выражена заинтересованность всего коллектива в удачной охоте и рыбной ловле, а также отражены черты родового, патриархально-семейного уклада: «каждый род имел свою собственную сваю». Русские, пришедшие на территорию Карелии, принесли свои верования, находящиеся почти на той же ступени развития, хотя и выросшие на другой территории. Жертвенные обряды были обычным явлением в Древней Руси: «Мнози бо от хрестьян трапезы ставят идолом и наполняют черпала бесом» (Смирнов С. Бабы богомерзкие / Сборник, посвящ[енный] Ключевскому. С. 224). <...> Ко времени прихода русских в Карелию этнический состав ее был далеко не однороден. Здесь обитали финны, карелы, вепсы (чудь) — современные насельники этого края, а также и лопари. В новгородский период большая часть современной территории Карелии принадлежала Обонежской и Вотской пятинам.⁴ <...>

* Так в оригинале.

Христианство, насаждаемое в Карелии, переплеталось с народными верованиями, придавало им новые особенности, но, разумеется, не могло их изжить совсем, и [в] первой половине XVI в. Православной церкви в лице Новгородского архиепископа Макария (1534 г.) приходилось посылать в Вотскую пятину... специальных людей для искоренения «языческих требищ и обрядов», как это делали... за много десятков лет до него. Архиеп[ископ] Макарий имел известия, что жители этих мест... «в Петров пост многие едят скором и жертву деи и питья жрут и пьют мерзким бесом и призывают деи на те свои скверные мольбища злодсивых отступников арбуев чудцких <...>» (ПСРЛ. Т. V. С. 73).⁵ <...>

Если мы посмотрим, напр[имер], на с. Шую того времени, по которому у нас собран материал, что нам позволяет сделать писцовая книга Обонежской пятины, датированная 1563 г., то мы увидим, [что] «погост Никольский на Шую рецы у Онега озера» тянулся на многие версты. В нем были земли помещичьи, оброчные, монастырские, крестьянские. Ряд земель принадлежал земцам. На самом погосте, у церкви, стояли анбары, в которых торговали «всяким мягким товаром», приезжая, новгородские и местные торговцы. <...> Неволлин отмечает, что «в погостах были земли, состоявшие в общем владении всех жителей погоста» (С. 104). В общем владении были также овины, пивные котлы и пр. Все эти элементы прежней родовой традиции в пережиточной форме бытуют и до настоящего времени. В то время они особенно ярко проявлялись при совершении религиозных обрядов, в частности жертвоприношений и братчин. <...> Характерно, однако, то, что зачастую братчины устраивались под сенью церкви. Это обстоятельство нашло отражение в Соборном постановлении... 1681 г. В нем говорится: «В которых монастырях и в приходских церквах бывает празднество настоящего того праздника, и в то время к тем церквам со всякими ядомыми харчи и с квасом и ни с каким питием никого не пропускать и тем святой церкви не бесчестить, чтоб в том бесчинство не чинилось». <...> В писцовой книге Обонежской пятины <...> по описанию Шимозерской волости замечается: «Да на погосте ж изба схожая, а сходядтца в ней крестьяне по воскресеньям».⁶ <...>

<...> В ряде пунктов Карелии мы увидим, что убой скота существует наравне с пивоварением и приготовлением каши. Это положение объясняется параллельным развитием скотоводства и земледелия в Карелии, их одинаковым значением для хозяйства. Однако, находя корни скотских жертвенных обрядов в Карелии в охотничьем и в скотоводческо-земледельческом хозяйстве, мы должны рассматривать их развитие неотрывно с общим ходом развития религиозных верований... Не случайно, как мы видели выше, церковь восставала против проявления старых народных верований. Ей пришлось выдержать с ними многовековую борьбу, в результате которой ряд древних обрядов получил христианскую окраску или же был вытеснен христианством и обратно. Ряд христианских обрядов воспринял архаические черты. Эта борьба чрезвычайно наглядно вырисовывается при анализе развития именно жертвенных обрядов. <...>

На ранней ступени жертвоприношения на карельской территории мы должны, по видимому, рассматривать как умилоствление духов-хозяев при испрашивании от них добычи (см. выше описание жертвоприношений лешему и водяному). Устраивались они в местах обитания этих духов: в лесу, на болоте, на берегу озера, на острове. О древних местах культа на северо-западе Европы имеется ряд известий, свидетельствующих об их широком распространении. <...>

Как правило, известно, что на древних местах культа насадители христианства ставили часовни, кресты, церкви. Это помогает иногда находить старые мольбища. Не случайно потому указание Харузина Н. Н. (IX кн. Трудов Э. Отд. ИОЛЕАиЭ) о том, что около многих часовен в Пудожском р-не происходят игрища, напр[имер], на Иванову ночь. <...>

В Карелии в ряде мест можно обнаружить и священные рощи, о которых также писал Харузин Н. Н. <...> (Олонецкий сборник. 1894. С. 335). Даже, когда роща разрасталась и завоевывала пашни, крестьяне не рубили деревьев. Примером может служить роща, окружающая часовню на берегу Кен-озера около д. Вершичина. Брат хворост из рощи тоже считалось грехом. Среди крестьян ходили рассказы, что, когда хотели срубить дерево, какая-то сила мешала это сделать. Рубщики были наказаны слепотой, отнятием рук или ног. Если роща разрасталась, крестьяне считали это проявлением особого благоволения святого покровителя данной часовни. Некоторые рощи считаются священными в местах, «где чужь полегла». К ним относится роща на о. Кинч-острове, лежащем на Водлозере, на о. Илам (там же)...

Уже на этих примерах виден процесс христианизации — замена духа-хозяина христианским святым. Если мы учтем процесс появления святых покровителей, то мы увидим, что среди особо почитаемых икон часовни будут изображения именно святых, помогающих сельскому хозяйству, и скотских святых. Жертвы, приносимые духам-хозяевам, с укоренением православия даже в своем архаичном виде — убой животных — стали приноситься христианским святым, зачастую на том же месте древнего мольбища и в то же время, связанное с определенными хозяйственными процессами. Подобные жертвенные обряды, правда, в пережиточной форме существуют еще и до настоящего времени.

Любопытно то, что с культом священных рощ связывается и культ камня. Напр[имер], в роще около д. Антушевской б. Петрозаводского уезда показывают камень с углублением на нем, весьма похожим на отпечаток человеческой ноги. По словам местных жителей, это «отпечаток ноги Св. Николая, будто бы ходившего по их полям и возвращавшегося с той стороны реки на берег, где находится часовня. Одной ногой Св. Николай ступил на камень, на котором находится след, а другою перешагнул реку и пошел в часовню». Аналогичный пример имеется в Таржеполе. «Рядом с часовней, прямо против входа в нее, под густой елью лежит камень с отпечатком ступни левой ноги». Таржепольцы говорят: «У нас... пророк Илья ступил левой ногой, а потом, сделав огромный шаг, ступил в Машозеро. В следе на камне постоянно бывает вода, которая помогает от всех болезней». Мы, таким образом, видим своеобразные комплексные священные места. Крайне интересно и то, что в ряде подобных пунктов совершаются жертвенные обряды, на которых мы остановимся несколько ниже.

В д. Плаксино Шуйского с/с АКССР мне удалось записать данные о праздновании так называемого «бараньего воскресенья», справляемого в первое воскресенье после Ильина дня. В этот день к маленькой часовне на островке напротив деревни Плаксино приезжали на лодках крестьяне с деревень Плаксино, Лажевщины, Куняково, Берючева, Сур-наволоок, Усадище, Сысовское и привозили баранов, которых жертвовали по обету некоторые крестьяне. Местный священник служил молебен и освещал баранов. Затем резали баранов, разводили козетер и варили похлебку. Все присутствующие ели. Часть баранов отдавалась священнику, часть шла в часовню. Лет 50 тому назад резали до 10 баранов. После революции баранов резать перестали. Их привозили к часовне и продавали, а деньги отдавали в часовню. В

последние же годы перестали и продавать баранов. Но зато старухи носят в часовню шерсть «Анастасии Великомученице на дельтцы шерсточки. Чтобы она лучше пасла овец».

Рассказывают, что икону великомученицы Анастасии прибило к островку водой, после чего и была построена часовня. В прежнее время на праздник из Шуи приносили с крестным ходом икону Тихвинской Божьей Матери, которую затем носили по окрестным деревням. Икону носили всегда девушки, которые также жертвовали Богородице полотенца. Праздник «баранье воскресенье», по объяснениям местных жителей, был установлен очень давно, когда — никто не знает, якобы после большого падежа баранов. Тогда и решили крестьяне приносить жертву св. Анастасии, чтобы она берегла овец. Некоторые старушки дают еще более простое объяснение: «Пришел Илья Пророк, ступил через порог и сказал: „Будете справлять баранье воскресенье“». Интересно отметить, что в день Флора и Лавра около часовни происходит также освящение лошадей. Т. е. мы видим, что с данным местом связывается ряд скотских святых: Анастасия — овечница и Флор и Лавр — лошадики. Давность обычая, само место — остров, где совершался убой животных, свидетельствуют о далеком прошлом, когда здесь было еще дохристианское мольбище. Несмотря на близость Шуйского погоста, на наличие, как мы видели, монастыря, способствовавшего, по всей видимости, постройке на острове часовни, «архаические обряды» сохранились до нашего времени.

Как мы уже сказали выше, скотьи жертвоприношения были очень распространенным явлением и в других местах Карелии. Мы остановимся лишь на нескольких примерах, которые имеют интересные для нас подробности. В с. Суйсари, в 10 км. от Ялгубы... еще в XVIII в. была часовня Ильи Пророка. На ее месте впоследствии была построена новая часовня, а в 1864 г. пристроен алтарь тоже в честь Ильи Пророка. Как и в плаксинской часовне, в первое воскресенье после Ильина дня крестьяне здесь били баранов, которых специально откармливали к этому дню. Бараны подбирались обязательно белые. Мясо варили у церкви в больших котлах. Когда оно было сварено, его приносили на паперть, а все собравшиеся шли в церковь ставить свечи к образу Ильи Пророка. Затем служили молебен, и мясо окроплялось св[ятой] водой. После освящения оно выносилось из ограды, и присутствующие мужчины принимались за еду. Женщинам мясо не давали, потому что говорили, если попробует женщина мясо, то будет падеж скота. Остатки еды бросали в воду, точнее для того, будто бы, чтобы ничего не досталось женщинам. После еды церковный староста обходил всех со сбором «на свечу пророку Илье» (Олонекские Епарх[ивальные] Вед[омости] № 2, 1904 г., 15/1, стр. 53–54.).

Установленный по завету убой скота проходил в Таржепольском приходе (15 км от Ладвы) в Ильин день. За несколько дней до праздника пригоняли скот, по преимуществу овец. Часть их продавалась, и деньги шли в церковь, а другая часть убивалась <...> [Из статьи А. Я. Пономарева в Олонец[ких] Губ[ернских] вед[омостях] за 1830 г. № 83. Об этом же празднике писал Н. Смирнов в Олон[ецких] Губ[ернских] вед[омостях] за 1872 г., № 88; Н. Н. Харузин писал об обычае завета на оз. Купецком у часовни Св. Макария; он отмечал что в Пудожском у. обычай *завичанья* баранов, быков и телят зависел от того], «какому святому *завечено*: в Муромский монастырь Св. Лазаря — на праздник Иоанна Крестителя (24/VI), в Кенский монастырь — в день памяти Св. Пахомия (8/IX) или в Макарьевский монастырь».⁷

К. Д. Андриянов из д. Конда Заонежского р[айо]на рассказывает, что около 140 лет тому назад был мор на «скот, дохли коровы и лошади, а овец волки драли. По совету попов устроили богомоление и жертвовали баранов Параскеве пятнице за то, чтобы не дохла скотина. По рассказам престарелых людей, подряд 2 лета были очень жаркие. Тут старики устраивали огненные ворота. В то время печи были черные и над печами клали грядки из березы, на которые накладывались дрова для просушки; вот эти гряды были очень сухие, так что от трения одна об другую получался огонь», который и зажигался над воротами. «Скот проводили через ворота, но это плохо помогало. Вот и устроили *баранье воскресенье*. Утром мужики били баранов, а ребята собирали котлы для варки мяса, за что получали бараньи яйца. Ребят это интересовало, а староста церковный накануне собирал муку, и делали бабы квас в большой бочке на церковной паперти. А суп из котлов по окончании обедни сливали... в лохань. Один из стариков сидел у этого лоханя с чумичкой. После обедни служили водосвятный молебен, святили суп и квас, тогда мужичок с чумичкой продавал суп на 5 к., на 10 к. на 15 и на 20-ть, а люди брали по количеству их семьи. Квас давался даром. Эти деньги отдавались в церковь, а за службу давали и батюшке. А шкуры отдавались в церковь. Это совершалось до 1900 года. Потом уже стали люди смеяться, что баранье Воскресенье. Поп велел сократить варку мяса. А так, жертвовали баранов и целиком продавали, а деньги [отдавали] в церковь. Только это продолжалось недолго. Жертвовали и своей деревне, даже из других [деревень] — Зиновьевой, Любосельги, Новинки и Обозера, Паукиной, Могучевой, даже и Сенной Губы и ближайших ей деревень. Достигало баранов до 20-ти. Жертвовали для того, чтоб волки не ели их овец. А пятница ильинская праздновалась около 170 лет. Тогда была у нас часовня и был образ Кирика и Улиты, и Параскевы. Старики спорили, кому праздновать — Кирику или Параскевы, постановили большинство[м] — Кирику, и вот в это лето волки стали давить овец и жеребят, и телят. [Тогда] то другая сторона людей велела праздновать Пятницу. Потом пристроили алтарь к часовне, и стала церковь. Церковь деревянная [в] 1862 году была освящена, [существовала] до 1900 [г.], а потом [была] построена каменная — Пятницы Параскевы. При новой церкви баранов не варили».⁸

<...>

[Информатор Н. А. Масаева, 55 лет]. «Этот праздник справляется в первое воскресенье после Ильина дня. Объясняют происхождение этого праздника след[ующим] образом: очень давно, лет 150 тому назад, в д. Плаксино был падеж баранов.⁹ Стали пропадать бараны (эпидемия или т. п.), и вот население построило эту часовню, туда жертвовали баранов.¹⁰ Тогда крестьяне решили часть баранов принести в жертву св. Анастасии, икона которой находится в часовне на о-ве напротив д. Плаксино (рядом с Куликовым островом). <...> В самый праздник в часовне была служба, после нее священник служил молебен и святил баранов. Затем часть баранов резали, а часть отдавали в часовню, их потом староста продавал, а деньги шли на масло к иконам. Зарезанных баранов тут же, на о-ве, варили и съедали как сами жертвователи, так и пришедшие на праздник гости из соседних деревень».¹¹

Баранье воскресенье. [Информатор Н. А. Масаева, 55 лет].

«<...> Их резали и раздавали по кусочку. У того, кто поест жертв[енного] барана, у того бараны меньше болеют. Теперь этот праздник по иному справляется. Баранов жертвуют, но не режут, а продают с торгов. Деньги иду на часовню.

Некоторые дают иные сведения: Если у кр[естья]нина плохо родятся бараны, то он дает обещание св. Анастасии пожертвовать первого родившегося барана, чем вымалывает большую плодovitость своим овцам. Все обещ[анные] бараны пригоняются в часовню и продаются с торгов, деньги [идут] в часовню и свящ[еннику].¹²

Баранье воскресенье. [Письмо В. Шавельского 1/IV 32 г.]

«<...> Этот праздник праздновала не Янишпольская церковь, а часовня, которая имеется в каждой из деревень, окружающей село Янишполь.

В 12 часов дня колокол часовни объявлял начало праздника. Мальчишки в это время брали палки, бегали по деревне, стучали под окошками и говорили: „Барана или ярочку“. На призыв колокола и ребят *православные* собирали баранов и овец и гнали их в ограду часовни — тех животных, которые были обещаны <...> для принесения в жертву. Жертвовали животных по разным причинам: принесет овца четырех ягнят — хозяин обещает принести в жертву одного, если ягнята вырастут; эпидемические болезни скота, хищение животных со стороны зверей и др. причины заставляли крестьян отдавать свой скот... под охрану часовни и обрекать одного из них в жертву святому часовни. Согнанных в ограду часовни овец и баранов тут же резали; резал хозяин барана, в большинстве случаев их [резал] как был один — староста часовни. Для варки мяса приносились котлы из бань. Пред варкой котлы вносились в часовню. По вопросу, какое участие принимало в этом празднике духовенство, мнения расходятся. В д. Катчена пред резкой баранов крестьяне шли в часовню и вместе со старостой там молились. Староста вливал в котлы святую воду. В дд. Янишполь и Тулгуба пред резкой баранов котлы вносились в часовню, поп служил молебен, кадил и освящал котлы святой водой. Б[ывший] представитель культа Сретенский отрицает всякое участие духовенства в этом празднике.

Мясо зарезанных баранов и овец опускалось в котлы; кожа, голова, ноги и внутренности отдавались хозяину. Часть мяса жертвенных животных поступала в пользу попа. Варили мясо мужчины, а не женщины. Во время варки мяса готовили столы и скамейки в ограде часовни или около ограды. Когда мясо сварится, колокол часовни извещал о времени ужина. К ужину допускались все: и стар, и млад, мужчины и женщины, чужие и свои. Принимавшие участие в ужине жертвовали в пользу часовни деньгами, кто сколько мог. В царское время ужин проходил чинно: без водки и песен, а в революционное время появилась уже водочка и песни... Специальных песен, принаправленных к этому празднику, не было. Заканчивали же песнями, вроде «Умер купец», «Стенька Разин» и др.

Является вопрос, почему баранье воскресенье праздновалось после Ильина дня? Вот ответ б. представителя культа Сретенского: „Вероятно потому, что около этого дня оканчивалась жатва ржи“. Таким образом, вся обстановка праздника говорит за то, что *баранье воскресенье* — пережиток седой старины, остаток языческих жертвоприношений в честь бога — солнца, носивший характер не умиловительный, а благодарственный.

Не только в окрестностях Суны, но и во всем Заонежье праздновалось *баранье воскресенье*.

В д. Суйсарь Ялгубского с/с в жертву приносили быков. В с. Кяпсельге *баранье воскресенье* праздновалось в ограде церкви 15 августа, куда в этот день стогнали баранов и овец из многих деревень, напр[имер], из дер. Кокорино <...>

Знает *баранье воскресенье* и Повенецкий район. В селе Песчаное резали баранов в сарае, а варили около церкви, и поп служил молебен и совершал каждение котлов.¹³

В с. Шуя Прионежского р-на мне рассказывали о праздновании *бараньего воскресения*. Когда я спросил: «Какая же икона считается праздничной в этот день?» — мне сказали: «Какая, да икона „баранье воскресенье“». ¹⁴

[с. Шуя от Николаевой]

<...> Незадолго до 1914 г. местный священник внес изменения в *баранье воскресенье*. Изменение заключалось в том, чтобы перестать резать баранов, дескать, святая Анастасия стоит — плачет, не может вынести, когда их режут, и будем носить лучше живыми. Т[аким] о[бразом], бараны все целиком шли к священнику. Такое предложение крестьянами было принято, но ненадолго... Они видели в этом алчность попа, и вскоре (хотя и до 1914 г.) бараны с праздничной сцены сошли. Название же праздника сохранилось, и значение осталось до настоящего времени неизменным, но содержание изменилось: сейчас в этот день обходят с иконой деревню, приходят в часовню, где служат молебен. ¹⁵

[из письма П. Т. Андреева о *бараньем воскресенье* в д. Конда на о. Климецком]

«...Фее его празнование было устроено одним Климецким настоятелем. Жаль, что имя выеснить не удалось. У одново старичка деревни Конда околел баран — последнее животное ис породы овец. Старик очень жалел барана, что не удалось воспользоватца мясом и овчинкой, и слух прошол по всем деревням в окружности села Конда. Прознав про это Климецкий настоятель; он сел и крепко об етом подумал и придумал, что ус[т]роит праздник и открыт богослужение в чес[ть] падежа скота. Призвал етого старика, заплатил ему за пропавшего барана и подговорил, чтобы он помог ему устроит[ь] празнование. Старик согласился. Приходит домой, а тут крик да шум по всей деревни. Кричат. Да судят, что собаки погрызли много овец. Старик и говорит: „Вот что братцы, согрешили мы верно перед Богом. Знать, Господь наказал нас. Давайте, кладите завет, что празнават, и назовем *баранье воскресенье*, и будем служит молебен. Может Господь над нами смилостивитца“». ¹⁶

«Суп из котлов сливали в общую лохань, которую ставили на церковной паперти. Один из стариков сидел у лохани с ложкой. После освящения супа и кваса старик этот продавал суп на 5, на 10 и на 15 копеек. Деньги шли в церковь. Квас давался даром. Отдавали в церковь также и шкуры. Все это совершалось до 1900 года, а потом смеяться стали, да и священник велел сократить варку мяса. Баранов не убивали, а стали продавать, а деньги отдавать в церковь. Жертвовали и из других деревень: ... Любосельги, Новинки, Могучевой и даже из Сенной Губы (15 км от Ковды — Г. Н.). Пригоняли до 20 баранов». В качестве добавления к этому рассказу отметим, что с 1865 г., по имеющимся сведениям, на Климецком о-ве устраивалась каждый год в мае месяце облава на волков, которая продолжалась в течение 2-х дней. В облаве принимали деятельное участие жители окрестных деревень. Перед облавой устраивали сход. Выбирались ... * и ... * для облавы. Это обстоятельство представляет большой интерес, т. к. свидетельствует о наличии производственной связи между деревнями, проявляющейся в крайне архаичной форме облавы, что является одним из моментов восстановления старых общинных связей. Отсюда неслучайным было и совместное

* Неразборчиво.

приношение в жертву и поедание, о котором мы только что говорили. Здесь же отметим существовавший в Сямозере, любезно сообщенный нам И. М. Никольским, обычай коллективного приношения в жертву барана, принадлежащего всей деревне. Дело в том, что в д. Корза на Сямозере, как и в других некоторых местах Карелии, на лето выпускают баранов пастись на остров без личного присмотра. Если через некоторое время появится приплод, хозяин которого будет неизвестен, то он считается коллективной собственностью, которая приносилась 26 сентября (по старому стилю. — *О. Ф.*) в жертву в день св. Иоанна Богослова. Этот пример является тоже иллюстрацией проявления старых общих традиций, имеющих истоки в коллективном владении и коллективном же...* прошлого.

В приведенных нами примерах уже выявился календарь скотских жертвоприношений, выявился ряд святых, которым эти жертвы приносились. Это Илья-пророк, преп[одобный] Макарий, великомуч. Анастасия, Параскева Пятница, св. Пахомий, Иоанн Златоуст. В б. Каргопольском уезде, относящемся теперь к Сев. Краю, в Нименском приходе в первое воскресенье после Ильина дня справлялся праздник в честь св. Модеста (как говорили крестьяне, *Медоста*) и Власия, хотя память их совершается церковью не в этот день. Харузин Н. Н. сообщает, что общественные пиры в Пудожском р-не бывали также в день Петра и Павла. Все эти святые, как известно, являются обычными персонажами в скотских заговорах, пастушьих отпусках. Например, выгоняя в поле в первый раз скотину, хозяйка говорила: «Егорий Храбрый, Фролы и Лавры, Власий и Медоста сохраните скотинушку на красное летушко, на все доброе здоровьюшко...»

В Макарьев день в некоторых местах Карелии устраивалось освящение лошадей и после него скачки, бывшие, например, в д. Касельга Семигубского с/с Заонежского р-на, которые мне пришлось наблюдать лично еще в 1931 г.

Однако нам необходимо отметить то особое лицо, которое занимает в затронутой нами области религиозных представлений, Илья-пророк. Об этом говорит прежде всего то обстоятельство, что большинство обрядов падает на Ильин день или первое воскресенье после него, т. е. так или иначе связывается с этим святым. Вместе с тем следует подчеркнуть ту многообразность функций, которые сосредотачиваются в его образе. Илья-пророк в народных представлениях населения Карелии получил несомненно ряд черт центральной фигуры финской мифологии — старика-громовника Укко. В своей работе («Из финской этнографической литературы». Живая старина, П., 1916) Мансикка говорит, что уже из сообщений епископа Агриколы видно, «что в честь Укко устраивали праздник во время весеннего посева. Следы этого культа и праздника сохранились до наших дней, особенно в связи с засухой». Илья-пророк тоже является громовником. В Пудожском р-не во время грозы читают молитву: «Илья Пророк многомилостивый, дай Господи, тихую росу смиренную, частого мелкого дождичку, сохрани и помилуй, Господи на синем море, в темных лесах, крешеных на работе, милую скотинку, крестьянскую животинку от всякого врага и супостата» (Харузин, 341 стр.). Пожар от молнии, которую наз[ывают] «божьей милостью», надо тушить сырым молоком (там же). Здесь мы видим, что Илья-пророк является и подателем дождя,

---

* Неразборчиво.

необходимого во время засухи, и хранителем крестьянской скотинки. Поэтому во время пожара неслучайной является жертва именно молоком.¹⁷

Кроме убоя скота в дни, приуроченные к памяти какого-нибудь святого, в некоторых местах совершают жертвоприношения, например, на 3-й день после Троицы. Это имеет место, напр[имер], в селении Шепнаволоок. День убоя баранов называется *Oinas-päivä* — *бараний день*, или, как его называют карелы, *Boish Pjävö*.¹⁸

<...> Однако было бы недостаточным, если бы мы ограничились описанием скотских жертвоприношений и не отделили бы моментов, связанных непосредственно с другой отраслью сельского хозяйства, именно с земледелием. Между тем во многих пунктах Карелии убой скота, как мы уже сказали выше, происходил наряду с пиво- и квасоварением (Конда, Канакшанский приход и др.). Характерным является пример Олонецкого р-на, южного р-на Карелии, с наиболее развитым земледелием, где в д. Кукша Гора наблюдалось жертвоприношение с преобладанием земледельческих элементов. Там во Власьев день в церковь Св. Власия собирали со всей деревни крупу и мясо, варили квас и ели все перед церковью после обедни (сообщение Н. А. Никитина). В д. Шеп-Наволоок Пряженского р-на на Введение со всей деревни церковный сторож собирает муку, из которой приготавливают квас. В Нименском приходе свв. Модесту и Власию женщины приносили «горшок с кашей <...> из житной крупы, залитый до верха маслом. Горшки эти раскладывались на церковной паперти, и к каждому прикреплялась свечка. После молебна свв. Власию и Модесту каша отдавалась причту и нищим». (И. С. Пр-ский. Нименский приход Каргоп. уезда, Олонецк[ие] Губ[ернские] Вед[омости] 20 сент. 1872 г., № 3).

Если мы будем просматривать календарь жертвоприношений, то увидим, что большая часть из них падает на моменты, весьма важные в сельском хозяйстве. Это сев, уборка сена, сбор урожая. Уровень развития производительных сил, рост эксплуататорских элементов в деревне при примитивной технике обработки земли, при бытовании еще в недалеком прошлом подсечного земледелия способствовали сохранению магических приемов, имевших аграрный характер.¹⁹ <...>

<...> Важным моментом при анализе жертвенных обрядов является выяснение их распространения на территории Карелии. Собранный нами материал позволяет говорить, что в северной части АКССР скотских жертвоприношений отмеченного нами типа мы не встретили. Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что скотоводство в северо-западной Карелии у исконных насельников края в прошлом не могло играть большой роли, там значительное место занимали охота и рыболовство, которые породили жертвенные обряды типа отмеченных в Суоярви. В пережиточной форме охотничья жертва сохранилась в ряде мест Кемского и Тунгудского р-нов (с карельским населением) в виде приношения в часовню крыльев лебедя и т. п.

В северо-восточной части Карелии мы видим давнее проникновение товарного капитала, сильное влияния Соловецкого монастыря, которое способствовало уничтожению архаичных верований, кроме того <...>²⁰ здесь мы имеем давнее русское старообрядческое население — поморов, у которых по чисто религиозным убеждениям убой скота не мог иметь место.

Распространение жертвенных обрядов в других районах нами нанесено на карту. Мы видим, что они захватывают, как показано на карте, и русское, и национальное население и простираются к югу и востоку. Несмотря на известную одинаковость жертвенных обрядов,

говорить о заимствованиях, разумеется, не приходится. Русскими были занесены своеобразные, уже сложившиеся религиозные представления, имевшие общее с религиозными воззрениями национального населения Карелии лишь в аналогичных соц[иально]-экономических условиях развития, породивших тоже своеобразную идеологию. Общие соц[иально]-экономич[еские] условия породили сходные надстроечные явления.²¹

В связи с вопросом о распространении скотских жертв следует отметить широко известные легенды об оленях, а в некоторых местах — о лосях, которые якобы убивались прежде, и лишь впоследствии вместо них стали резать в жертву быков, овец и баранов. <...>

В Ладвинском приходе говорили, что олень пробежал однажды, когда не был приготовлен скот. Его убили и расхватили мясо (Пономарев: цит. работа). Сказание про оленя было и в Суйсарии, но с иным оттенком: из леса прибежал белый олень. Его и приносили в жертву, но после того, как одна женщина поела жертвенного мяса, олень прибегать перестал. <...>

Весьма любопытно то, что отдельные элементы легенды об олене были отражены в иконописи. Так, на чудотворной иконе Св. Макария Унжского и Желтоводского, бывшей в Хергозерском приходе б. Каргопольского уезда, изображены отдельные моменты из жизни святого²² <...>

Для нас интересно также замечание автора описания этой иконы: «Наипаче просят угодника о здравии и умножении скота, в благодарность за оказание милости жертвуют скот разной породы и из разных мест, даже за 200 и более верст» (Олонецкие Епарх[иальные] Вед[омости], № 33 1910 г., стр. 687–689). Н. Н. Харузин говорит, что в одной из местностей в Задней Дубраве место оленя заменяет лебедь (Стр. 344), что особенно интересно сопоставить с отмеченными нами выше приношениями в часовню лебединых крыльев.²³ <...>

С лебедем, кроме того, связан ряд представлений и запретов. Нельзя есть мясо лебедя и т. д. Убить лебедя — большой грех. Убийцу постигнет разорение хозяйства или у него умрет отец, если был убит самец, и мать, если самка. Часто устанавливали связь между женщиной и лебедем. Говорят, что лебедь и «яйца носит 9 месяцев, как мать ребенка». (Шайжин. Олонецкий край. Пам[ятная] книжка Ол[онецкой] губ. на 1909 г., стр. 211).²⁴

Названные нами легенды, а также и вообще известное культовое значение оленя, лебедя, лося, проявляющееся в отношении к ним...* Если мы примем во внимание широкое их распространение и у других народностей, в частности у мари, [то это] позволяет предположить в них пережитки тотемизма, тем более, что они касаются жертвенных обрядов, коллективного вкушения жертвенного мяса, имеющего особые свойства и т. д. Как мы уже отмечали выше, в братчинах и в позднейших жертвенных обрядах сохранился ряд пережитков более ранних общественно-экономических формаций, которые зачастую трудно бывает в настоящее время отличить. К числу их относится и так наз[ываемая] хватовщина, фигурировавшая в приведенных нами примерах. Несомненно, корни ее глубоки, но для выяснения генезиса этого явления приведем любопытный факт, сообщенный нам И. И. Колья...** записанный у тунгусов в Кулате ...** -тара. «Перед началом охотничьего сезона в лесу устраивают

* Фраза не закончена.

** Неразборчиво.

жертвенник, на который полагается приносимая жертва. После молений жертвенник разрушается. Когда он падает вместе с жертвенным [животным], все присутствующие охотники бросаются поднимать с земли то, что падает, приговаривая: „Я поймал соболя, я поймал лисицу и т. д.“, так как считают, что в этот момент дух-хозяин подаёт души зверей».

Если мы вспомним, что мясо *ильинского быка*, кости, по рассказам охотников, помогают при охоте, нам будет понятно, что всем хочется иметь у себя частицу жертвы, отчего и происходит *хватовщина*. Здесь мы имеем весьма архаичный момент, возникший на охотничьей основе, с поздним осмыслением: если поешь мяса *обетного, моленного* животного, то будет удача, и не только на охоте, будет лучше водиться скот и т. п. С другой стороны, в братчинах, несомненно, есть момент также весьма ранний, относящийся к родовому обществу, — это совместное поедание жертвенной пищи (коллективное потребление). Вместе с этим нужно вспомнить также запрещения, существующие в некоторых местах, препятствующие женщинам принимать участие в общей трапезе, о которой мы упоминали выше. С одной стороны, в этом можно видеть далекие следы отцовского рода, с другой стороны, это еще раз говорит о пережитках охотничьего хозяйства. Известно, что охотники и звероловы первобытных народов весьма скептически относятся к участию женщин во всем том, что касается их промысла. В самом жертвенном ритуале сохранились подробности весьма древнего происхождения, свойственное охотничьему хозяйству осмысление уже применяемое к скотоводству. Так, Снегирев указывает, что в день Всех святых у финских народностей убивают ягненка, причем жарят его целиком, не разламывая костей, после чего начинается пиршество. Здесь мы видим пережитки верований в возможность восстановления жертвы, в конечном счете — самого стада. (Взято из В[естника] Европы 1828 г., № 13.)

В приведенных нами примерах уже выявляется тот путь развития жертвенных обрядов, который имел место в Карелии. От жертв охотников и рыболовов духам-хозяевам к развитым скотым жертвоприношениям христианским святым. Мы видели насколько призрачен флер христианства, как ясно вырисовываются под ним архаические дохристианские верования, насколько они тесно сплелись с христианством, дав весьма своеобразный религиозный синкретизм. Тут же интересно проследить отношение к жертвенным обрядам церкви. После борьбы с жертвенными местами в эпоху феодализма, после их разрушения и основания на них часовен и церквей мы видим христианизацию жертвенных обрядов. Далее, с разложением феодализма, с рождением капиталистических элементов, мы видим, что официальная православная церковь уже тесно срослась с дохристианскими элементами. Жертвенное мясо освещают, часть его дается церковному причту, иногда жертвенные обряды даже поощряются церковью, и только в некоторых случаях мы видим со стороны отдельных священников отрицательное отношение к этим «языческим обычаям».

Отношение церкви, конечно, гармонировало с интересами зажиточной части деревни — кулачества, торговцев, которые имели, как мы уже могли убедиться, определенную выгоду от обетных жертв, т. к. в некоторых случаях скот не убивали, а продавали здесь же, на месте, скупщикам. С другой стороны, кулачество, жертвуя скот, несомненно, повышало свой авторитет в глазах основной массы крестьянского населения, используя его впоследствии для эксплуатации.

После Октябрьской революции, в период развернутого социалистического наступления, борьбы за уничтожение грани между городом и деревней говорить об угасании жертвенных

обрядов без активной борьбы с ними не приходится: это политика самотека, которая не должна иметь места. Мы видим, что пережитки капитализма и более ранних общественно-экономических формаций, и в частности жертвенные обряды, еще бытуют в нашей деревне, в колхозе. По сообщению тов. Ленсу Я., колхозники-вепсы в Лодейнопольском районе в Саргозере резали баранов еще в 1932 г. Необходимо, таким образом, усиление в деревне культурно-просветительной работы. Необходимо глубокое изучение религиозной идеологии и конкретных ее проявлений в нашем быту. Особенно важным мероприятием будет развертывание исследовательской работы в этой области на местах, вовлечения в нее самих трудящихся.²⁵

Публикация О. М. Фишман

Примечания

- ¹ См. статью в настоящем сборнике: Л. М. Лойко, О. М. Фишман «Георгий Александрович Никитин — ученый и собиратель».
- ² См.: Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии / Науч. ред. А. П. Конкка, Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1988. С. 77–95.
- ³ Архив РЭМ, ф. 20, оп. 1, д. 11, л. 62–65.
- ⁴ Там же, л. 67, 68, 68об, 69, 70.
- ⁵ Там же, л. 73, 74, 74об.
- ⁶ Там же, л. 76–78.
- ⁷ Там же, л. 82–93.
- ⁸ Там же, л. 30, 30об, 31, 31об.
- ⁹ Там же, л. 38.
- ¹⁰ Там же, л. 2.
- ¹¹ Там же, л. 38, 38об.
- ¹² Там же, л. 2.
- ¹³ Там же, л. 40–47.
- ¹⁴ Там же, л. 3.
- ¹⁵ Там же, л. 11об, 12.
- ¹⁶ Там же, л. 26–27.
- ¹⁷ Там же, л. 99–103.
- ¹⁸ Там же, л. 102.
- ¹⁹ Там же, л. 103, 105.
- ²⁰ Там же, л. 107, 108.
- ²¹ Там же, л. 107, 107об.
- ²² Там же, л. 110.
- ²³ Там же, л. 112.
- ²⁴ Там же, л. 111об.
- ²⁵ Там же, л. 112–117, 117об.